

Глава 19. Боязнь сцены

Омаха • лето 1951-го — весна 1952 года

Уоррен понимал, что Док Томпсон беспокоится о том, сможет ли будущий зять обеспечить семью. Да он и сам в этом сомневался. Раз уж он не мог работать на «Грэхем-Ньюман», то решил стать биржевым маклером в Омахе. Народная мудрость гласила: «Если вы хотите заработать на фондовом рынке — поезжайте в Нью-Йорк». Решение Уоррена остаться в Омахе было необычным, но он чувствовал себя свободным от условностей Уолл-стрит. Он хотел работать вместе с отцом, к тому же в Омахе жила Сьюзи, а сам он никогда не чувствовал себя счастливым вдали от дома.

Ему шел двадцать первый год, и он был абсолютно уверен в своих способностях к инвестированию. К концу 1951 года Баффет уже увеличил свой капитал с 9804 до 19 378 долларов. Всего лишь за год он заработал 75 процентов**. Он консультировался у своего отца и Бена Грэхема, и, к его удивлению, оба сказали, что ему стоит подождать пару лет. Грэхем, как всегда, считал, что рынок слишком перегрет, а пессимист Говард отдавал предпочтение акциям горной и золотодобывающей

---

* В 1948–1949 гг. США самолетами доставляли в Западный Берлин продукты во время его блокады со стороны СССР.

** Чистая прибыль от инвестиций составила 7434 доллара. Также он положил около 2500 долларов на накопительный счет, на котором хранил вознаграждение от работы на «Баффет-Фальк».

промышленности, не подверженным инфляции, и, очень беспокоясь о будущем своего сына, считал, что не стоит вкладывать деньги куда-то еще.

Уоррен же полагал, что их советы бессмысленны — ведь стоимость компаний существенно выросла с 1929 года.

«Это было полной противоположностью тому, что мы наблюдали в предыдущие годы, когда рынок был перенасыщен. Я смотрел на компании и думал: почему бы не стать их собственником? Я работал на низшем уровне, с мизерными деньгами, не оценивая рост экономики в целом или что-то подобное. Но не покупать эти акции казалось мне сумасшествием. С другой стороны, Бен со своим коэффициентом интеллекта около двухсот и огромным опытом советовал мне подождать. И отец тоже. А если бы отец велел мне шагнуть из окна, я бы сделал это». Решение пойти против воли отца и Бена Грэхема, людей, которые служили для него примером, стало для Уоррена важнейшим шагом. Он пришел к нелегкому убеждению, что его суждения более правильны и два человека, которых он глубоко уважает, не способны мыслить рационально. Но Баффет был уверен в своей правоте. Может, он и мог выпрыгнуть из окна по приказу отца, но только при условии, что ему не пришлось бы для этого расстаться со справочником *Moody's Manual*, полным информации о выгодных инвестициях.

Он даже переборол себя и впервые занял деньги — такими обширными казались ему возможности. Он был готов взять в долг сумму, равную четверти его прибыли. «Мне перестало хватать денег на инвестиции. Чтобы купить заинтересовавшие меня акции, пришлось бы что-то продавать. Мне не нравилось занимать деньги, но я взял заем примерно на пять тысяч долларов в Национальном банке Омахи. Мне еще не исполнилось двадцати одного года, и отцу пришлось подписать бумаги. Мистер Дэвис, банковский служащий, решил, что это своего рода обряд инициации. Вручая эти пять тысяч, он сказал что-то вроде: «Теперь ты стал мужчиной. Это важное обязательство, но мы знаем, что ты вернешь эти деньги». Это продолжалось битые полчаса, которые я сидел за его столом».

Говард гордился сыном и одновременно чувствовал себя странно, подписывая документы за того, кто был полноценным бизнесменом уже, по крайней мере, дюжину лет. Раз уж Уоррен решил, чем он будет заниматься в дальнейшем, Говард предложил ему место в фирме «Баффет-Фальк». При этом он посоветовал Уоррену сначала сходить на собеседование в известную фирму *Kirkpatrick Pettis Co*, чтобы понять, что может предложить ему лучший из фондовых брокеров Омахи.

«Я отправился на встречу со Стюартом Киркпатриком и сказал, что хотел бы работать с интеллектуальными покупателями. Киркпатрик на это ответил, что мне не стоит беспокоиться об уровне интеллекта покупателей. Главное, чтобы они были богаты. В общем-то он был прав, но я не хотел работать нигде, кроме как в отцовской фирме».

В «Баффет-Фальк» Уоррену выделили один из четырех отдельных кабинетов без кондиционера по соседству с «клеткой» — застекленной зоной, где клерки работали с деньгами и ценными бумагами. Уоррен начал продавать свои любимые акции людям, которым больше всего доверял: своей тете и друзьям по колледжу, включая соседа по комнате в Уортоне Чака Питерсона. Тот занимался недвижимостью в Омахе, и они с Уорреном снова начали общаться.

«Сначала я позвонил тете Элис и продал ей несколько сотен акций GEICO. Ее заинтересованность добавила мне уверенности в себе. После этого я позвонил Фреду

Стэнбеку, Чаку Питерсону и всем, кто мог бы купить акции. Но чаще всего я покупал акции для самого себя. Если даже все мои клиенты отказывались от акций компании, я все равно искал способ купить хотя бы пять штук. У меня была большая цель — я хотел стать собственником десятой доли процента каждой интересной для меня компании. Всего акций было 175 000, и я посчитал, что если компания будет когда-нибудь стоить миллиард долларов, а у меня будет десятая часть процента, я буду стоить миллион. Поэтому мне нужно было купить 175 акций»¹.

Но пока что его работа заключалась в продаже акций за комиссионные, и за пределами своего узкого круга общения Уоррен был беспомощен. Он понял, что именно чувствовал его отец, когда строил свой брокерский бизнес, а старейшие семейства Омахи — владельцы банков, складов, пивоварен и универмагов — смотрели свысока на внука бакалейщика. Теперь и Уоррен чувствовал, что в Омахе его не уважают.

В те дни акции можно было приобрести только через фондовых брокеров, и люди предпочитали покупать акции отдельных компаний, а не ценные бумаги взаимных фондов. Все платили фиксированную комиссию — шесть центов за акцию. Сделки совершались по телефону или в присутствии клиента. Каждой сделке предшествовала светская беседа, как ритуал взаимоотношений с брокером, одновременно являвшимся консультантом, посредником и другом. Брокер мог жить с вами по соседству, вы встречали его на вечеринках и в гольф-клубе, иногда он даже включался в число приглашенных на свадьбу вашей дочери. Компания General Motors каждый год выпускала новые модели автомобилей, и бизнесмены меняли машины чаще, чем ценные бумаги. Если, конечно, у них вообще были ценные бумаги.

Солидные клиенты не воспринимали Уоррена всерьез. Клиенты его отца, руководители Nebraska Consolidated Mills, однажды назначили ему встречу на полшестого утра*. «Мне был всего двадцать один год, и я ходил ко всем этим людям и предлагал им ценные бумаги. Но когда я описывал им все преимущества, единственным вопросом, который мне задавали, был: “А что по этому поводу думает твой отец?”» Уоррен выглядел как зубрила, и продажи давались ему с трудом². Он не умел общаться с людьми, вести светские беседы. В разговоре он пытался донести до собеседника всю информацию, которой владел, не останавливаясь, чтобы выслушать его. А если нервничал, то начинал тараторить о своих любимых акциях с утроенной силой. Некоторые потенциальные клиенты выслушивали его, проверяли полученную информацию и покупали разрекламированные Уорреном акции у других брокеров, поэтому он не получал никакой комиссии. Подобное лицемерие шокировало его, ведь с этими людьми он общался лицом к лицу и регулярно сталкивался в городе. Он чувствовал себя обманутым, а иногда и обескураженным. Однажды он застал семидесятилетнего мужчину, на коленях у которого сидела секретарша. Каждый раз, когда она целовала его, он брал долларовую банкноту из стопки на столе и отдавал ее девушке.

«Отец никогда не учил меня, как поступать в подобных ситуациях. Я совсем не получал поддержки. Когда я только начал продавать акции GEICO, “Баффет-Фальк” располагалась в небольшом офисе в центре города. Нам приходили свидетельства о доле участия в акционерном капитале, на которых стояло имя Джерома Ньюмана.

* Впоследствии эта компания получила название ConAgra. «Баффет-Фальк», по всей видимости, управляла предлагавшимся компанией пакетом привилегированных акций на сумму 100 000 долларов как инвестиционный банкир, что было не вполне привычной операцией для тех лет.

Я покупал акции у него. Люди в “Баффет-Фальк” говорили мне: «Какого черта, ты что, считаешь себя умнее Джерри Ньюмана?..»

На самом деле «Грэхем-Ньюман» создавала новую компанию, и некоторые инвесторы продавали стабильные акции GEICO, чтобы сделать свой вклад. То есть, в сущности, акции продавали инвесторы, а не «Грэхем-Ньюман». Но Уоррен этого не знал³. Когда речь шла о GEICO, ему было безразлично имя продавца. Ему никогда не приходило в голову спросить у кого-нибудь в компании, почему они решили продавать свои акции. Он был непоколебимо уверен в своей правоте. И этого не скрывал.

«Я был таким мудрым, образованным парнем, а меня окружали люди, не учившиеся в колледже. Однажды Ральф Кэмпбелл, страховой агент, пришел к мистеру Фальку и спросил: “С чего вдруг мальчишка решил раскручивать эту компанию?” GEICO не пользовалась услугами страховых агентов, и я сказал ему: “Мистер Кэмпбелл, на вашем месте я купил бы парочку акций, чтобы застраховать себя от безработицы”».

Тогда он еще не впитал первое правило Дейла Карнеги — не критиковать. Уоррен давал понять, что знает больше других, и впоследствии это стало его отличительной чертой. Хотя, казалось бы, кто мог поверить молодому и неопытному парню? Но все же ему верили. Сотрудники «Баффет-Фальк», должно быть, очень удивлялись, глядя на то, как Уоррен с утра до вечера изучает справочники, приумножая свои знания.

«Я изучал справочник Moody’s страницу за страницей. Дважды просмотрел десять тысяч страниц в промышленном, транспортном, и финансовом справочниках. Я изучил каждую компанию, хотя некоторым не уделял достаточного внимания».

Несмотря на то что его бесконечно занимала игра с поиском подходящих акций, Уоррен рассчитывал быть кем-то большим, чем обычный брокер или инвестор. Он хотел пойти по стопам Бена Грэхема и стать преподавателем. Тогда он начал читать вечерний курс лекций в университете Омахи.

Сначала он сотрудничал с Бобом Сонером, своим другом из числа брокеров. Боб читал первые четыре недели курса о выгодных инвестициях в ценные бумаги. И пока Сонер объяснял студентам основы — например, как правильно читать «Уолл-стрит джорнал», Уоррен стоял в коридоре и прислушивался к хорошим инвестиционным идеям. Следующие шесть недель лекции читал Уоррен⁴.

В конце концов он стал читать весь курс, дав ему более звучное название: «Надежные вклады в ценные бумаги». Находясь перед студентами, он загорался энтузиазмом и ходил из угла в угол, рассказывая все быстрее. Студенты же барахтались в потоке льющейся на них информации. Несмотря на все свои знания, он никогда не обещал студентам, что они непременно разбогатеют, прослушав курс его лекций. Да и своими достижениями Уоррен не хвастался.

Группа студентов была весьма разношерстной. Здесь были и профессионалы фондового рынка, и люди, которые не имели никакого отношения к бизнесу: домохозяйки, пенсионеры, врачи. Они символизировали едва уловимые перемены, происходившие на рынке. Впервые с двадцатых годов инвесторы вернулись. Именно поэтому Грэхем считал, что рыночная стоимость акций завышена. Уоррен адаптировал свой метод преподавания до их уровня и способностей. Он опирался на методику Грэхема, использовал кейсы с компаниями А и Б и некоторые другие его уловки. Оценки он выставлял строго, но справедливо. Его тетя Элис тоже записалась на курс и смотрела на него глазами, полными обожания⁵. А он поставил ей тройку.

Люди все время закидывали его вопросами. Что нужно сделать с теми или иными ценными бумагами? Купить? Продать? О каждом из перечисленных ими пакетов акций он мог говорить пять–десять минут, без подготовки выдавая финансовую информацию, отношение цены к доходу на акцию, объем акций, выпущенных на рынок. Казалось, что он рассказывает о сотнях пакетов, словно цитирует статистику бейсбольных матчей⁶. Иногда какая-нибудь женщина с первого ряда спрашивала: «Мой покойный муж оставил мне акции АБВ, и они немного выросли в цене. Что мне с ними сделать?» Уоррен отвечал, что их стоит продать и купить акции GEICO или какой-нибудь другой компании, в чьих акциях он был уверен (и уже владел ими)*. Студентов удивлял его неожиданный консерватизм при ответе на их вопросы об инвестировании.

Тем временем Уоррен крутился как белка в колесе, зарабатывая деньги. Ему предстояло содержать семью, и это должно было поделить его доходы надвое. Часть оставалась на рынке, постепенно приумножаясь. Другую он планировал тратить, чтобы обеспечивать себя и Сьюзи. Женитьба существенно изменила бы его жизнь. До сих пор он умудрялся сокращать свои расходы. Он жил в комнате горничной в Колумбийском университете, ел бутерброды с сыром, играл девушкам на укулеле и водил их на лекции вместо шикарного клуба «21». С возвращением в Небраску экономить стало еще проще. Он жил в доме родителей, хотя из-за этого ему приходилось изредка встречаться с Лейлой, когда родители приезжали из Вашингтона.

Ему не нужна была дополнительная мотивация, он и так изо всех сил трудился над приумножением своего капитала. Теперь он сидел в своем офисе в «Бафдет-Фальк», закинув ноги на стол, и пролистывал книгу Грэхема и Додда в поисках идей⁷. Он нашел пакет акций Philadelphia and Reading Coal & Iron Company, компании, занимающейся добычей антрацита. Пакет казался достаточно дешевым, поскольку продавался чуть больше чем за 19 долларов за акцию, но каждой акции соответствовало примерно восемь долларов в антрацитовом штыбе**. Уоррен часами высчитывал стоимость угольных шахт и пластов антрацита, чтобы принять решение о покупке акций Philadelphia and Reading Coal & Iron Company. И в итоге купил их для себя и от имени тети Элис и Чака Питерсона. Когда акции сразу же после этого упали в цене до девяти долларов за штуку, это стало для него сигналом о том, что стоит приобрести еще.

Он стал совладельцем компании Cleveland Worsted Mills с активами***, составлявшими 146 долларов в расчете на акцию. Сами же акции продавались по значительно меньшей цене. Уоррен чувствовал, что рыночная цена акций не в полной мере отражает стоимость нескольких полностью оборудованных фабрик.

Он написал небольшой отчет о пакете. Ему нравилось, что компания выплачивает большую часть прибыли акционерам, предлагая им синицу в руках. В отчете говорилось: «Дивиденды в размере восьми долларов обеспечивают хорошо защищенную

* Люди посещали занятия для того, чтобы узнать новые идеи об инвестировании. Это был единственный раз, когда Уоррен делился своими идеями, подобно Бену Грэхему. Он делал это в первую очередь потому, что идей у него было больше, чем денег.

** Мелкая фракция каменного угля. *Прим. перев.*

*** Текущие активы представляют собой показатель ликвидности, то есть способности компании быстро получить деньги от их реализации. К ним относятся денежные средства, инвестиции, которые можно легко продать, складские запасы, а также суммы задолженности третьих лиц перед компанией. К ним не относятся недвижимость, оборудование, полученные кредиты и пенсионные накопления, так как эти позиции невозможно превратить в наличные или они представляют собой, по сути, задолженность перед третьими лицами.

7-процентную прибыль к текущей цене в 115 долларов»⁸. Он использовал слова «хорошо защищенную», потому что считал, что Cleveland Worsted Mills получает достаточно прибыли для покрытия дивидендов. Однако эти слова не стали пророческими.

«После того как они урезали объем выплачиваемых дивидендов, я стал называть их Cleveland Worst Mills*. Уоррен был так взбешен, что решил потратиться на поездку и узнать, что же пошло не так. «Я отправился на ежегодное собрание акционеров компании в Кливленд. Опоздал буквально на пять минут и узнал, что собрание перенесли. Я стоял там, двадцатидвухлетний парнишка из Омахи, вложивший собственные деньги в ценные бумаги. Председатель сказал, что я опоздал, но их торговый агент, входивший в совет директоров, сжалился надо мной, отвел в сторону и ответил на некоторые мои вопросы». Впрочем, его ответы ничего не изменили. Уоррен чувствовал себя ужасно, ведь он уговорил и других людей купить акции компании.

Больше всего на свете он ненавидел разочаровывать людей и чувствовал себя ужасно виноватым, когда они теряли деньги на рекомендованных им инвестициях. Точно так же он чувствовал себя в шестом классе, когда уговорил Дорис вложить деньги в акции городской транспортной компании, впоследствии разорившейся. Она не стеснялась напоминать ему об этом, и он чувствовал себя ответственным за свою ошибку. Теперь он был готов на все, лишь бы избежать неприятного ощущения, вызванного тем, что он подвел людей.

Уоррен начал ненавидеть свою работу и стремился стать менее зависимым от нее. Ему всегда нравилось владеть компаниями, и они вдвоем с товарищем по национальной гвардии Джимом Шеффером решили приобрести автозаправочную станцию. Они купили заправку «Синклер», расположенную по соседству с постоянно обгонявшей их по продажам заправкой «Тексако». «Синклер» стабильно проигрывала конкурентную гонку, и это сводило владельцев с ума. Уоррен и его зять Трумэн Вуд, муж Дорис, работали на заправке по выходным. Они мыли ветровые стекла с улыбкой, несмотря на отвращение Уоррена к физическому труду. Они делали все возможное, чтобы привлечь новых клиентов, но водители упорно заезжали на соседнюю заправку.

«Ее владелец пользовался популярностью среди местных жителей и обгонял нас месяц за месяцем. Тогда я осознал всю силу лояльности покупателей. Тот парень держал заправку уже целую вечность, у него был авторитет и постоянная клиентура. Мы были не в силах это изменить.

Идея с автозаправкой была дурацкой — я потерял две тысячи долларов, а в те времена это была для меня существенная сумма. Прежние потери никогда не наносили мне такого ущерба. Это было весьма болезненно».

Уоррену казалось, что все, что он делает в Омахе, заставляет его чувствовать себя еще более юным и неопытным. Он больше не был тем мальчишкой-вундеркиндом, ведущим себя как мужчина. Он стал молодым мужчиной, готовым жениться, но по-прежнему выглядел и временами вел себя как мальчишка. Акции «Кайзер-Фразер», по которым он с помощью Боба Сонера открыл короткую позицию двумя годами ранее, все еще болтались в районе пяти долларов, вместо того чтобы обесцениться, как ожидал Уоррен. Карл Фальк насмешливо смотрел на него и ставил его суждения под вопрос. Уоррена тошнило уже от самой сути своей профессии. Он начал думать, что его работа напоминает работу фармацевта. «Мне нужно было объяснять

* Имя слов: *worsted* — «замовольная ткань» и *worst* — «худший». Прим. пер.

несведущим людям, что им выбрать — аспирин или анацин. И люди делали все, что велел “парень в белом халате”. Брокеру платили исходя из количества продаж, а не данных им советов. Проще говоря, платили за количество проданных таблеток. За некоторые таблетки платили больше. Вы бы не пошли к доктору, зарплата которого зависит от количества принятых вами таблеток». Но брокеры в те времена работали именно по такому принципу.

Уоррен чувствовал, что конфликт интересов неминуем. Он советовал акции компаний вроде GEICO своим друзьям и родственникам и говорил им, что стоит придержать бумаги еще лет двадцать. Это значило, что он не получал от них комиссионных. «Невозможно зарабатывать таким способом. Система противопоставляет интересы клиента твоим».

Но даже несмотря на это, Уоррен обзавелся узким кругом постоянных клиентов среди своих университетских товарищей. Весной 1952 года он отправился в Северную Каролину, в Солсбери, чтобы отпраздновать Пасху с Фредом Стэнбеком. Он очаровал родителей Фреда рассказами о фондовом рынке и цитированием Бена Грэхема, а также просьбой покормить его бутербродом с ветчиной и пепси-колой на завтрак⁹. Вскоре после этого, когда он уже вернулся в Омаху, отец Фреда попросил его содействия в продаже акций компании «Тор Корпорейшн», выпускавшей стиральные машины. Уоррен нашел клиента, желавшего купить эти акции, через другого брокера, Харриса Апхема. Затем ему еще раз позвонили из банка Стэнбека-старшего, и он решил, что у него два заказа. Не подумав хорошенько, Баффет дважды продал акции «Тор Корпорейшн», причем во второй раз — акции, которых у него не было. В итоге ему пришлось приобрести дополнительный пакет акций себе в убыток, чтобы закрыть вторую сделку.

Несмотря на ошибку Уоррена, мистер Стэнбек по-прежнему был к нему благосклонен. Он покрыл убытки, хотя это была не его вина. Уоррен был благодарен ему и не забыл его щедрости. Гораздо больше его беспокоил другой покупатель, известный как «Бешеный пес» Бакстер, поднявшийся во времена, когда Омаха была центром игорного бизнеса. Он был партнером во многих нелегальных игорных салонах. Придя в «Баффет-Фальк», Бакстер начал размахивать перед окошком кассира пачкой стодолларовых банкнот. «Карл Фальк посмотрел на меня, как бы спрашивая, неужели “Баффет-Фальк” теперь используется для отмыwania незаконных доходов игорного бизнеса!» Подобные ситуации еще больше усиливали неприязнь Уоррена к своей работе. Он испытывал противоречивые ощущения, даже когда не продавал акции. Он превратил «Баффет-Фальк» в полноценного участника рынка, фирму-посредника, покупающую и продающую ценные бумаги*. Фирма получала прибыль, играя на разнице между стоимостью покупки и продажи акций. Став участником рынка, брокерская фирма превратилась в полноценного игрока на Уолл-стрит. Уоррен гордился тем, что смог придать компании такое положение, но противоречивость ситуации все еще беспокоила его.

«Я не хотел сидеть за столом напротив клиента. Я не продавал ничего, в чем не был уверен сам, чем бы сам не владел. С другой стороны, я получал наценку, о которой не говорил клиенту по своей инициативе. Если кто-то спрашивал меня о наценке,

* Баффет лично торговал акциями двух компаний — Carpenter Paper и Fairmont Foods. Достаточно проницательный для того, чтобы торговать акциями, он был еще недостаточно зрелым (хотя и остроумным) и расшифровывал инициалы руководителя компании Fairmont Foods D.K. Howe как Don't Know How («Не знаю как»)

то я давал искренний ответ. Но мне это не нравилось, я хотел сидеть за одним столом с людьми, являющимися моими партнерами, знающими, что в точности происходит. А агент не может так поступать». Сколько бы Уоррен ни размышлял о своей карьере биржевого маклера, все упиралось в неизбежный конфликт интересов. Он понимал, что его клиенты могут в любой момент потерять деньги и разочароваться в нем. Вместо продажи акций он предпочел бы вести финансы клиента, чтобы их интересы совпадали. Проблема заключалась в том, что в Омахе таких перспектив не было.

Весной 1952 года он написал статью о GEICO, привлекущую внимание очень влиятельного человека, и казалось, что удача снова повернулась к Уоррену лицом. Статья, опубликованная в журнале *Commercial and Financial Chronicle*, называлась «Мои любимые ценные бумаги». Она не просто рекламировала любимый Уорреном объект инвестиций, но объясняла его идеи по поводу инвестирования как такового. На нее обратил внимание Билл Розенволд, сын Джулиуса Розенволда, известного филантропа и председателя совета директоров *Sears, Roebuck & Co.* Младший Розенволд руководил *American Securities*, компанией, занимавшейся управлением финансовыми операциями. Компания была основана на доходы от доли семьи в *Sears** и гарантировала высокую прибыль с минимальным риском и возможностью сохранить капитал. Розенволд связался с Беном Грэхемом и, когда тот дал Уоррену отличные рекомендации, предложил Баффету работу. В сфере управления финансовыми операциями было не так уж много столь престижных должностей, и Уоррен очень хотел принять предложение, даже если это означало переезд в Нью-Йорк. Впрочем, чтобы покинуть Омаху, ему требовалось разрешение национальной гвардии.

«Я спросил командира, могу ли я переехать в Нью-Йорк, чтобы получить эту работу, и он сказал, что мне необходимо обратиться к главнокомандующему. Так что я поехал в Линкольн, сел в холле Капитолия, и через некоторое время меня пригласили в кабинет генерала Хеннингера. Зайдя в кабинет, я представился: «Докладывает капрал Баффет». Перед этим я написал генералу письмо с объяснением ситуации.

Он тут же ответил: «Вам отказано в разрешении».

Так все и закончилось. Это означало, что я должен был оставаться в Омахе до тех пор, пока он не захочет отпустить меня».

Таким образом, Уоррен застрял в «Баффет-Фальк» и продолжал зарабатывать на жизнь «выписыванием рецептов». Единственное, что утешало его, была поддержка Сьюзи. Он научился полагаться на свою невесту, а она, в свою очередь, наконец-то смогла его понять. Она начала осознавать, какой ущерб нанесли его самооценке вспышки гнева со стороны Лейлы, и пыталась заживить его раны. Она знала, что прежде всего ему необходимо всегда чувствовать себя любимым. Его ни в коем случае не следовало критиковать. Ему также необходимо было осознавать, что он сможет стать социально успешным человеком. «Люди лучше воспринимали меня, когда я был с ней», — вспоминает он. Несмотря на то что Сьюзи все еще была студенткой университета Омахи, а Уоррен уже работал, когда дело касалось их отношений, он смотрел на нее с благоговением маленького ребенка. Оба они все еще жили каждый со своими родителями. Со временем Уоррен разработал стратегию общения с матерью. Он избегал оставаться с ней наедине, но играл на ее исполнительности, осаждая различными просьбами. Годы обучения в университете вдали от матери сделали его еще

* Впоследствии Билл Розенволд стал одним из основателей организации *United Jewish Appeal of New York*.

более чувствительным к ее присутствию. Когда Лейла и Говард приехали на свадьбу Уоррена из Вашингтона, Сьюзи заметила, что ее жених использует любой удобный случай, чтобы избежать общества своей матери. Когда они все же оказывались в одной компании, он отворачивался от нее, стиснув зубы.

Уоррену пора было переезжать. Он позвонил Чаку Питерсону и сказал: «Чейз, нам негде жить», и Чейз снял для него квартиру в паре миль от центра города. Уоррен дал Сьюзи, жаждавшей самовыражения, полторы тысячи долларов на обстановку их первой квартиры, и та, взяв с собой будущую золовку, Дорис, отправилась в Чикаго покупать современную разноцветную мебель¹⁰. Приближался день свадьбы (19 апреля 1952 года), как вдруг стало неясно, состоится ли церемония вообще. За неделю до этого выше Омахи по течению Миссури вышла из берегов. Вода прибывала, и власти предсказывали, что в конце недели река затопит город. Существовала вероятность того, что на борьбу со стихией мобилизуют национальную гвардию.

«Весь город высыпал на улицы, неся мешки с песком. На свадьбу приехали все мои друзья — и Фред Стэнбек, который должен был стать на свадьбе моей правой рукой, и шаферы, и остальные гости. Все шутили надо мной, потому что я служил в национальной гвардии, говорили: “Не беспокойся, мы подменим тебя на время медового месяца”. Так они и шутили всю неделю».

За пару дней до свадьбы Говард повез Уоррена и Фреда к реке. Тысячи волонтеров укрепляли берега с помощью мешков с песком, выстраивая стены высотой в два и шириной в полтора метра. Земля проседала под колесами тяжелых грузовиков, словно резина¹¹. Уоррен затаил дыхание в надежде, что временная дамба выстоит.

«Наступила суббота, и церемония должна была состояться в три часа. Около полудня зазвонил телефон. Мать сказала, что это меня. Я взял трубку, и парень на том конце провода спросил: “К-к-к-капрал Баффет? — мой командир очень сильно заикался. — Это к-к-к-капитан Мёрфи», — сказал он.

Если б он не заикался, я бы подумал, что это очередная шутка со стороны друзей. Я наверняка ответил бы какой-нибудь гадостью, что могло подвести меня под трибунал. Но я промолчал, и он сказал: «Наше подразделение приведено в состояние боевой готовности. В котором часу вы м-м-м-можете приехать в арсенал?» Уоррен чуть не заработал сердечный приступ¹². «Я сказал ему, что в три часа я женюсь и смогу подъехать около пяти». Он ответил: “Рапортуйте о п-п-п-прибытии. Мы будем п-п-п-патрулировать берега в восточной части города”. Я сказал: “Да, сэр”, — и положил трубку в крайней степени расстройств.

А через час мне позвонили снова: “Капрал Баффет?” — “Да, сэр”. — “Это генерал Вуд”¹³. Это был командующий 34-й дивизией, живший в Западной Небраске. Генерал Вуд сказал: “Я отменяю распоряжение капитана Мёрфи. Удачного дня”.

До самого важного события в жизни Уоррена оставалось два часа. Он заранее пришел к алтарю пресвитерианской церкви Данди. Свадьба сына конгрессмена и дочери Дока Томпсона стала по местным меркам большим событием. Ожидалось несколько сотен гостей, включая и тех, кто принадлежал к высшему обществу Омахи¹⁴.

«Док Томпсон едва не лопался от гордости. А я жутко нервничал, но потом подумал, что раз уж я не взял с собой очки, то все равно не смогу разглядеть всех этих людей». Уоррен попросил обычно неразговорчивого Стэнбека развлекать его беседой, чтобы не дать ему сосредоточиться на происходящем¹⁵.

Берти была подружкой невесты, а Дотти, сестра Сьюзи, — замужней подружкой. Когда были сделаны все фотографии, гости отправились в подвал церкви выпить безалкогольного пунша и поесть торта. Это было нормально, ведь ни Томпсоны, ни Баффеты не являлись особенными любителями вечеринок. У Сьюзи была улыбка до ушей, а Уоррен весь светился, придерживая ее за талию, будто они оба готовы были оторваться от земли. Сделав еще несколько фотографий, они переоделись и пробежали сквозь толпу приветствовавших их гостей к машине, которую Элис Баффет одолжила им на медовый месяц. Уоррен уже загрузил в машину справочники *Moody's* и свои папки с документами, как Сьюзи вдруг увидела в этом зловещее предзнаменование¹⁶. Машина тронулась, и молодожены отправились в свадебное путешествие через всю страну.

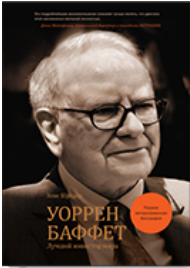
«В день свадьбы мы поужинали жареной курицей в кафе “Вигвам” в городке Ваху», — вспоминает Баффет*. «Вигвам» был крошечной забегаловкой в часе езды от Омахи, с парой кабинок, декорированных в ковбойском стиле. Оттуда Уоррен и Сьюзи проехали еще тридцать миль и провели ночь в отеле «Корнхаскер» в Линкольне. «И больше я ничего об этом не расскажу», — говорит Баффет.

«На следующий день я купил свежий выпуск *Omaha World-Herald* и прочитал статью под названием “Гвардию остановит только любовь”¹⁷. В 1952 году случилось сильнейшее в современной эпохе наводнение. Попытка предотвратить его была подвигом, достойным Геркулеса. Все остальные парни целыми днями укрепляли берега мешками с песком и следили за уровнем воды в обществе крыс и змей. Я был единственным, кого не призвали».

Молодожены путешествовали по всему западу и юго-западу США. Уоррен прежде там не бывал, но Сьюзи неплохо знала Западное побережье. Они погостили у ее родственников, осмотрели достопримечательности, съездили к Гранд-Каньону и чудесно провели время. Баффет настаивает, что, несмотря на слухи, они не посещали компании и не интересовались возможными инвестициями. На обратном пути они заехали в Лас-Вегас, где теперь жили многие уроженцы Омахи. Эдди Баррик и Сэм Зигман, безработные букмекеры, переехали сюда незадолго до женитьбы Уоррена и выкупили часть отеля «Фламинго»¹⁸. Вскоре к ним присоединился Джеки Гоэн, инвестировавший в казино от «Фламинго» до «Барбари-Коуст». Все эти персонажи были клиентами бакалейной лавки Баффетов и дружили с Фредом Баффетом, несмотря на то что тот не был игроком. Уоррен чувствовал себя в Вегасе почти как дома. Город был полон людей, знавших его семью и напоминавших ему об ипподроме. Здесь он ничего не боялся. «Сьюзи сорвала джекпот в игровых автоматах. Ей было всего девятнадцать лет, и руководство отказывалось отдавать ей выигрыш. И тогда я сказал: “Ребята, но вы же приняли ее ставку”. И тогда они выплатили ей весь выигрыш».

Из Вегаса Баффеты отправились домой, в Омаху. Уоррен не переставал подсмеиваться над своими неудачливыми сослуживцами. «О, наш медовый месяц был прекрасен. Все три недели были прекрасны. А все это время парни из гвардии работали по уши в грязи».

* Ваху больше всего известен миру как родина киноактрисы Лоррейн Завука

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Mifbooks

Mifbooks

Mifbooks